

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ. УДАЛЕНИЕ СИЛЬВЕСТРА И АДАШЕВА

Мы почти ничего не знаем об отношениях царя со своим наставником после событий 1553—1554 годов. Что касается Адашева, то во второй половине 50-х годов его влияние на государственные дела оставалось весьма значительным. Еще в 1553 году царский любимец был назван в одном известии «стряпчим» «у царя и великого князя в избе с бояры», а в другом — дворянином «у государя в думе». Эти известия красноречиво говорят о трудностях, с которыми столкнулся царь, желая приобщить своего фаворита к решению важных политических вопросов. Местом, где такие вопросы решались, была, как уже говорилось выше, Боярская дума, в состав которой входили представители наиболее знатных боярских и княжеских родов. Лишь они по своему происхождению могли претендовать на сан «боярина» или «окольничего», члена Боярской думы. По своему происхождению Адашев к кругу таких лиц никак не принадлежал, и царь создал особую должность «дворянина в думе», чтобы его фаворит мог на законных основаниях участвовать в работе главного государственного органа. Позднее, в годы опричнины, царь воспользовался этим прецедентом при формировании новой знати.

Однако к концу 1553 года Алексей Федорович получил уже и думный чин окольничего, а в 1559 году тот же чин получил и его брат Данила. Когда в 1555 году составлялся «Государев родословец», в который были включены родословные росписи княжеских и наиболее знатных боярских родов, в него вошло и родословие Адашевых. От царя Алексей Федорович получил крупные земельные пожалования. Когда Иван IV писал Первое послание Курбскому, он имел все основания воскликнуть, говоря об Адашеве: «Каких же честей и богатств не исполних его, и не токмо его, но и род его».

Немногие сохранившиеся известия говорят о том, что формы участия Адашева в государственных делах были многообразными: он докладывал царю проект закона и записывал его решение, назначал на должности и удалял со службы, рассматривал даже жалобы на бояр, «волочивших» с решением дел. Сохранился также ряд жалованных грамот, выданных по его приказу. Во второй половине 50-х годов XVI века Адашев был фактическим руководителем внешней политики Русского государства. Все важные переговоры с иностранными послами в эти годы с русской стороны вели Адашев и глава Посольского приказа дьяк Иван Висковатый.

Благоволение царя к Адашеву, как представляется, было связано прежде всего с его успехами в этой сфере деятельности. Это позволило Адашеву выдвинуть широкие политические планы, достойные великого монарха, и у царя были серьезные основания рассчитывать, что при участии его фаворита эти планы могут быть успешно осуществлены.

Взятие Казани в 1552 году вовсе не означало еще конца войны. Вести военные действия продолжала часть татарских князей. В 1555 году к ним присоединились подчинявшиеся ранее казанским ханам марийцы (черемиса) и удмурты (вотяки), с которых воеводы Казани попытались собрать «ясак». Нападениям подвергались не только окрестности занятой русскими войсками Казани, но и уезды Муром и Нижнего Новгорода. На протяжении нескольких лет в Казанский край посылали войска во главе с наиболее видными русскими воеводами. Они рассеивали скопления восставших, сжигали их селения, захватывали полон. Затем выборные предводители мятежников приносили присягу на верность и обязывались платить дань, а после ухода русских войск все начиналось сначала. Как вспоминал позднее князь Андрей Михайлович Курбский, сам участвовавший в некоторых из походов в Казанский край, многие уже советовали царю «со вопианием, да покинет место Казанское и град, и воинство христианское сведет оттуду», однако в конце концов русским воеводам удалось добиться подчинения Казанского края.

Весной 1557 года к царю прибыли «сотные князи», стоявшие во главе «луговых людей», и «всею землею все люди правду дали, что им неотступным быти от царя и государя во веки... и ясаки платити сполна, как их государь пожалует». Князьям была дана жалованная грамота, «как им государю вперед служить». Казанский наместник, князь Петр Иванович Шуйский, «по пустым селам всем велел пашни пахати русским людям и новокрещеном» и приступил к разделу бывших сел хана и казанских князей между православным духовенством и русскими помещиками.

На такой исход событий важное влияние оказали два обстоятельства. Во-первых, чуваши, жившие на Горной стороне Волги и подчинявшиеся русской власти еще до взятия Казани, остались лояльными

по отношению к этой власти и приняли участие в военных действиях на русской стороне. Именно «горные люди» взяли в плен и передали русским воеводам одного из главных предводителей восставших, «лугового сотенного князя» Мамыш-Берди. А во-вторых, восставшие не получили сколь-нибудь серьезной внешней поддержки. Как и перед взятием Казани, они надеялись на помощь Ногайской орды. В надежде на эту помощь люди «с луговые стороны» уже в конце 1553 года обратились к одному из главных ногайских мурз — Измаилу, прося у него на княжение старшего сына, Магомет-мурзу. В подарок Измаилу были привезены доспехи убитого русского воеводы Бориса Салтыкова. Измаил никак не отреагировал на это обращение. Тогда «луговые люди» обратились к верховному князю Ногайской орды Юсуфу, и Мамыш-Берди привез на «луговую сторону» в качестве нового хана («царя») его сына Али-мирзу. Однако за исключением сопровождавшего нового хана отряда из 100 человек никакой иной помощи из Ногайской орды «луговые люди» так и не получили. Тогда, по свидетельству Курбского, они отрубили своему хану голову и воткнули ее на высокий кол с такими словами: «Мы было взяли тебя того ради на царство с двором твоим, да обороняеши нас, а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел. А ныне глава твоя да царствует на высоком коле».

Пассивность ногайцев была связана с тем, что в середине 1550-х годов Орда оказалась охвачена серьезным внутренним конфликтом. В жизни Орды, кочевавшей между нижней Волгой и Яиком, большую роль играли сношения с соседями, к которым ногайцы водили на продажу стада лошадей (а иногда — овец), приобретая взамен оружие, меха, ткани, седла, сбрую и многое другое. Ногайские улусы, расположенные за Яиком, получали необходимые им товары из Средней Азии, и потому были готовы поддерживать враждебные выступления татарских ханств против Русского государства. Иные позиции занимала более западная часть Орды, втянутая в торговлю с Москвой. Глава этой части Орды Измаил писал своему брату, верховному князю ногаев Юсуфу: «Твои, деи, люди ходят торговати в Бухару, а мои ходят к Москве. И только мне завоеватца (с Москвой. — *Б.Ф.*), и мне самому ходити нагу, а которые люди учнут мерети, и тем саванов не будет».

После взятия Казани противоречия между двумя частями Орды усилились (западная часть Орды зависела от «повольного торгога» не только с Москвой, но и с Казанью, и переход Казани в руки русских войск мог лишь укрепить ее промосковскую ориентацию). Эти противоречия смогли использовать в своих интересах русские политики. В начале 1554 года Алексей Федорович Адашев и Иван Михайлович Висковатый сумели заключить с послами Измаила договор о союзе, по которому Измаил и поддерживавшие его мурзы обязались «на всех недругов царя и великого князя... заодин быти: куды его царь и

великий князь пошлет, туды ему и ходить». Когда после этого Измаил взял верх над Юсуфом и захватил верховную власть над Ордой, то это означало включение Ногайской орды в сферу русского политического влияния. В 1557 году Измаил принес «шерть» (то есть присягу на Коране) перед русским послом Петром Совиным. Он обязался не допускать нападений ногайцев на русские земли, «заодин на недруга стояти и пособляти, как можно», быть с царем Иваном «в любви» и от него «не отстати». Когда началась Ливонская война, в ней на русской стороне приняли участие отряды ногайских мурз.

Вовлечение Ногайской орды в сферу русского влияния, начатое договором 1554 года, предопределило судьбу расположенного на Нижней Волге Астраханского ханства. Заключенный с Измаилом договор предусматривал совместные действия против астраханского хана Ямгурчи, с тем чтобы посадить здесь племянника Измаила, Дервиш-Али, потомка золотоордынского хана Ахмата. В июне 1554 года на Астрахань в судах по Волге была отправлена русская рать во главе с князем Юрием Ивановичем Шемякиным-Пронским. Хан Ямгурчи, по-видимому, захваченный врасплох, бежал, в руках русской рати оказались не только брошенные воинами хана пушки и пищали, но и ханский гарем. «Посаждение» в Астрахани нового хана означало фактически установление над Астраханью русского протектората. Хан и астраханские люди принесли присягу на верность царю, были освобождены русские пленные, ханство должно было уплачивать дань царю, «ловцы» царя получили право ловить рыбу «до моря безданно и беспошлинно». Позднее, однако, Дервиш-Али вступил в сношения с крымским ханом и ногайскими противниками Измаила. Весной 1556 года к нему пришел «крымского царя воевода с людьми и с пушками и с пищалми на бережение от царя и великого князя». В Астрахань снова была послана русская рать. Попытка Дервиш-Али не пропустить русские войска к Астрахани окончилась неудачей. В рассказе официальной летописи об этих событиях читаем, что ногаи «астроханцев многих» взяли в плен в то время, когда те «бегали от царя и великого князя». Очевидно, что действия русской рати получили поддержку со стороны Измаила и союзных с ним мурз. Видя безнадежность сопротивления, ногайские союзники Дервиш-Али, сыновья Юсуфа, отобрали у хана пушки, передали их в Астрахань и подчинились верховной власти Измаила. Хан бежал в Азов, а оттуда направился на богомолье в Мекку. Астраханские «черные люди» принесли присягу на верность царю, и Астраханское ханство перестало существовать. Теперь весь бассейн Волги от верховья до устья оказался под властью русского царя. Достигнутые успехи были в значительной мере заслугой дипломатического искусства Алексея Адашева.

В январе 1555 года в Москву прибыли послы еще одного татарского государства, наследника Золотой орды, — Сибирского хан-

ства. От имени хана Едигера и «ото всей земли Сибирской» послы просили царя взять их землю под свою защиту, обещая выплачивать дань «со всякого черного человека по соболю». Для принятия присяги на верность и сбора дани Иван IV отправил в Сибирь своих послов. В сентябре 1557 года послы хана Едигера привезли дань — тысячу соболей и «грамоту шертную с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве и дань на всю свою землю положил».

Наметились важные изменения и на Северном Кавказе, который в предшествующие десятилетия был традиционной сферой влияния крымского хана и стоявшего за его спиной султана. Правители Османской империи были заинтересованы в том, чтобы установить свой контроль над путем, который вел в обход Кавказского хребта к Каспийскому морю и странам Средней Азии, и потому побуждали крымских ханов к все новым захватам в этом регионе. Во второй половине 40-х годов XVI века хан Сахиб-Гирей прилагал большие усилия, чтобы утвердить свою власть над племенами адыгов и кабардинцев, широко используя в борьбе с ними полученную от султана артиллерию. После взятия русскими войсками Казани у местных правителей появилась возможность искать в Москве защиты от Бахчисарая и Стамбула. Уже в ноябре 1552 года в Москву прибыли князья западных адыгов, которые принесли присягу, «что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота», и просили, чтобы царь их «от Крымского царя оборонил». После того как у адыгов побывал русский посол Андрей Шепотьев, принявший присягу верности у населения, в августе 1555 года в Москву прибыло новое посольство, которое снова просило помощи «на Турского города и на Крымского царя».

Как видим, сравнительно за короткое время в соотношении сил между Русским государством и татарскими ханствами Восточной Европы произошли кардинальные изменения, создавшие во всем регионе ситуацию принципиально иную, чем та, которая существовала здесь во второй половине 40-х годов. По существу, Крымское ханство оказалось в середине 50-х годов XVI века единственным из государств — наследников Золотой орды, которое еще оставалось вне сферы русского влияния. Успехи были столь значительны и достигнуты за столь короткий период времени, что в русских политических кругах стали возникать планы подчинения русской власти и Крыма. Тем самым русские земли были бы навсегда избавлены от татарских набегов, население перестало бы постоянно угонять в полон, началось бы быстрое освоение плодородных земель к югу от Оки, а огромные расходы на оборону южных границ государства сделались бы ненужными.

Уже весной 1555 года русские послы предложили верховному князю ногаев Измаилу организовать совместный поход на Крым, чтобы посадить на ханский трон сына Дервиш-Али Янтемира. «А

нам ся видит, — передавали послы «речи» Ивана IV Измаилу, — и крымскому делу возможно сделатися по тому же, как и астраханское дело зделалось». Когда Дервиш-Али вступил в соглашение с Крымом, кандидатура его сына, как будущего крымского хана, конечно, отпала, но этим вовсе не был положен конец «крымскому делу».

В 1555—1556 годах впервые в истории русско-крымских отношений русские войска, не ограничиваясь обороной южной границы, перешли к наступательным действиям против Крыма. В начале лета 1555 года из Белева было послано тринадцатитысячное войско во главе с боярином Иваном Васильевичем Шереметевым, в «Мамай луг» «на стада на крымские». В походе воеводы столкнулись с двигавшейся на Русь Крымской ордой во главе с самим ханом Девлет-Гиреем. В разыгравшемся двухдневном сражении русское войско не смогло противостоять соединенным силам всего Крыма и потерпело поражение, но поход на Русь был сорван и Орда понесла в бою серьезные потери. Особенно серьезной потерей для Орды было то, что русские ратные люди угнали 60 тысяч лошадей, которые вели за собой крымчаки.

В следующем, 1556 году царь послал на Днепр для действий против Крыма своего воеводу Дьяка Ржевского. Соединившись с днепровскими казаками, которые в это время только начинали селиться на месте будущей Запорожской Сечи, Дьяк Ржевский предпринял успешный набег на расположенные на северном побережье Черного моря ханские крепости Ислам-Кермен и Очаков. Хан был вынужден послать против русского войска второе лицо в ханстве — калгу, «а с ним весь Крым, князи и мырзы». Небольшой русский отряд окопался на острове и в течение шести дней отбивался от татар. Крымское войско понесло серьезные потери от огня русских «пищалей», а затем «отогнал ночью Дьяк у крымцев стада конские да на остров к себе перевез и по Заднепрью по Литовской стороне вверх пошел». Поход татар на Русь снова был сорван. В этих событиях царь Иван проявил себя сторонником самых решительных действий против Крыма. Когда разыгралось сражение между войском Ивана Шереметева и татарами, главные русские силы во главе с царем двигались от Оки к Туле, новому передовому пункту русской обороны. Когда от появившихся раненых стало известно, что сражение закончилось неудачей для русских войск, некоторые из вельмож советовали царю вернуться на Оку, но царь приказал идти к Туле, чтобы вступить в битву с татарами. Курбский с похвалой отзывался о мужестве, которое обнаружил Иван IV в этой сложной ситуации.

Русское правительство принимало меры и для того, чтобы улучшить позиции России на западном направлении.

К середине XVI века резко возросло значение торговых путей, связывавших между собой по Балтийскому морю страны Западной и Восточной Европы, а также важнейших перевалочных пунктов на

этих путях. Когда в XV—XVI веках начался интенсивный рост промышленного производства и городов в ряде стран Западной Европы, здесь возрос спрос на продукты сельского хозяйства, которые во все большем размере поступали на европейский рынок из Восточной Европы. Если на протяжении всего Средневековья главными предметами торговли на Балтике, поступавшими с Востока, были почти исключительно воск и меха, то теперь на Запад по Балтийскому морю везли более разнообразные товары: из Прибалтики — хлеб, из Великого княжества Литовского и Польши — хлеб и «лесные товары», из России — кожи, сало, лен и пеньку. Резко возрос товарооборот, возросли и доходы, которые приносила эта торговля. Однако эти доходы, которые могли бы обогатить русскую казну, оседали в прибалтийских портах — тех перевалочных пунктах, где потоки товаров переходили с морских путей на сухопутную дорогу. Сами купцы этих городов активной торговли не вели (судоходство на Балтике к этому времени находилось главным образом в руках голландских купцов), а пополняли свою казну благодаря установлению принудительного посредничества: они не позволяли русским купцам ездить за море, а западноевропейским купцам проезжать через Ливонию на территорию России; в самих же прибалтийских портах и те и другие могли заключать сделки только с местными купцами. В итоге торговая прибыль оседала в карманах ливонских купцов, а торговые пошлины — в карманах ливонских властей. Когда в 1557 году вырабатывался мирный договор со Швецией, «гости и купчины отчин великого князя из многих городов» просили правительство добиться у шведского короля, чтобы им была предоставлена возможность ездить «из Свейской земли в Любок, и в Антроп (Антверпен — город в Южных Нидерландах, в то время один из главных центров европейской торговли. — Б.Ф.) и во Ишпанскую землю и во Англию и во Францускую землю... и корабли бы им были готовы». Таким образом, русское купечество хорошо понимало, какие выгоды могло принести ему установление прямых связей со странами Западной Европы, и пыталось побудить свое правительство добиваться достижения этой цели.

Власти Ливонии также хорошо понимали, что проводившаяся ими экономическая политика наносит ущерб интересам России, и поэтому предпринимали различные меры, чтобы не допустить чрезмерного усиления Русского государства. Одной из таких мер был запрет ввоза в Россию оружия и цветных металлов (олова, свинца, меди), которые могли быть использованы для производства вооружения. Кроме того, ливонские власти препятствовали приезду в Россию мастеров и ремесленников, которые могли бы принести в русское общество какие-либо новые знания. В конце 40-х годов XVI века русский агент саксонец Шлитте с разрешения императора Карла V нанял в Германии на русскую службу 120 мастеров самых разных специальностей. По дороге в Россию Шлитте был арестован и несколько

лет провел в тюрьме, а нанятые им мастера должны были вернуться домой.

Такая политика, наносившая явный ущерб интересам могущественного соседа, могла успешно проводиться лишь с позиции силы, но Ливонский орден — некогда мощная централизованная структура, созданная специально для ведения агрессивной войны, находился в состоянии глубокого упадка. К середине XVI века он представлял собой довольно рыхлое объединение собственно владений Ордена, епископств и городов. Военные вассалы-ленники и Ордена, и епископов превратились в землевладельцев-дворян, занятых в своих имениях производством хлеба на европейский рынок, чтобы обеспечить жизнь по достаточно высоким для того времени жизненным стандартам. Их военные обязанности стали формальностью, настаивать на их выполнении власти Ордена были не в состоянии. Положение усугублялось тем, что во главе Ордена, находившегося под покровительством папы, стояли рыцари-монахи, а большую часть горожан и дворян Ливонии к середине XVI века составляли протестанты, отвергавшие сам институт монашества.

Слабость Ордена, становившаяся с течением времени все более очевидной, была, несомненно, дополнительным фактором, побуждавшим русские власти изменить невыгодное для России положение вещей.

Первая попытка сделать это, пока с помощью дипломатических средств, была предпринята в 1550 году. В исторической литературе достаточно распространено представление, что сторонником борьбы за выход России к Балтийскому морю был сам Иван IV, в то время как Сильвестр, Адашев и их сторонники в правящих кругах первоочередным делом считали борьбу с татарскими ханствами, сначала Казанью и Астраханью, а затем — Крымом. Известные нам факты биографии Сильвестра позволяют прийти к иному заключению. В «Послании и наказании от отца к сыну», написанном Сильвестром для своего сына Анфима, встречаем неоднократные недвусмысленные указания на занятия благовещенского священника торговой деятельностью: сообщается о том, как он многих «сирот и работных» сначала в Новгороде, а затем в Москве обучил — одних какому-либо мастерству, «а иных всякими многими торговли изучил торговати»; о том, как ему удавалось так располагать к себе партнера при заключении торговых сделок, что тот «всегда мимо мене не продаст и худого товару не даст». Среди этих партнеров были и «иноземцы» — немецкие купцы, один из которых, бургомистр Нарвы Иоахим Крумгаузен, сыграл впоследствии не последнюю роль в переходе этого города под русскую власть. Крупным купцом был и сын Сильвестра Анфим, служивший дяком в «царской казне у таможенных дел». Поэтому есть основания полагать, что в конце 40-х годов, когда определялся круг задач русского правительства, не царь, относившийся, как мы виде-

ли, с явным презрением к «торговым мужикам» и их «прибыткам», а хорошо знакомый с положением дел и связанный с купеческой средой наставник царя обратил внимание на невыгодную для России политику Ливонского ордена.

В ходе русско-ливонских переговоров, состоявшихся, по-видимому, летом 1550 года, ливонской стороне были предложены три основных требования: свобода торговли с иностранными купцами, свобода приобретения всех видов товаров, в том числе цветных металлов и оружия, свободный проезд в Россию мастеров всяких специальностей (в их числе и оружейников). Ливонская сторона не согласилась на эти требования, и договор о перемирии между Россией и Ливонией был составлен по образцу договоров, заключавшихся между Ливонией и Русским государством в предшествующие годы. Однако в преамбуле договора были отмечены те действия ливонцев, которые вызвали гнев царя: «гостей новгородских и псковских безучастья и обиды и... торговые неисправления» и то, что «из Литвы и из-заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали», а в текст договора вошло обязательство ливонской стороны «во всех делах по ответному списку (документу, в котором излагались русские требования. — *Б.Ф.*) изправиться на съезде перед вочими судьями». Только при соблюдении этого условия русская сторона соглашалась заключить с Ливонией перемирие на пятилетний срок. Однако на протяжении всего срока перемирия до созыва съезда для обсуждения русских требований дело так и не дошло. В 1551 году ливонские города демонстративно подтвердили свои прежние решения о том, что русские купцы могут заключать торговые сделки только с их купцами.

По-видимому, под впечатлением этого негативного опыта у русских политиков сложилось представление, что добиться удовлетворения русских требований удастся лишь тогда, когда Ливонский орден тем или иным способом будет подчинен русскому влиянию. Для достижения этой цели был использован вопрос о так называемой «юрьевской дани». Происхождение этой дани, которая уплачивалась Дерптским епископством в пользу Псковской республики, во многом остается неясным. В 60 — 70-х годах XV века условия об уплате дани были включены в тексты мирных соглашений между Дерптом и Псковом и в течение ряда лет дань действительно выплачивалась. Соответствующее условие постоянно повторялось в текстах договоров (теперь между Дерптом и Русским государством), однако к середине XVI века дань уже давно не взималась, и о ней успели забыть. Но руководители русской внешней политики Алексей Федорович Адашев и Иван Михайлович Висковатый были не только дипломатами, но и знатоками русской истории, действовавшими в эпоху создания грандиозных сводов, содержавших огромные коллекции сведений о прошлом России. Не удивительно, что они сопоставили пункт

договоров о «юрьевской дани» с известием летописи о походе Яро-слава Мудрого на «чудь» (предков эстонцев) и основании им города Юрьева, который позднее, после его захвата в XIII веке крестоносца-ми, получил название Дерпт (современный Тарту), и пришли к выводу, что эта дань уплачивалась ливонцами за разрешение поселиться на земле, принадлежавшей русским великим князьям, и является зримым свидетельством русского сюзеренитета над Ливонией. Возобновление уплаты этой дани, по их убеждению, должно было стать первым шагом к восстановлению отношений, сложившихся в далеком прошлом.

Вопрос о выплате «юрьевской дани» занял центральное место на переговорах о продлении русско-ливонского перемирия, которые вели весной 1554 года Адашев и Висковатый с ливонскими послами. Именно на этих переговорах ливонским дипломатам было заявлено, что пришедшим из-за моря немцам предки царя разрешили поселиться на их земле лишь при условии уплаты дани; это условие было нарушено, но теперь царь намерен потребовать его восстановления. Если ливонцы откажутся выплачивать дань, заявил на переговорах Висковатый, царь сам придет за нею.

В результате ливонская сторона пошла на уступки, и в текст договора было включено обязательство выплатить царю дань со всего населения Дерптского епископства, «со всякие головы по гривне по немецкой». Дерптский епископ должен был собрать и доставить эту дань на третий год действия договора — в 1557 году, а власти Ливонии (великий магистр и архиепископ Рижский) должны были проследить за выполнением данного обязательства. В договоре подчеркивалось, что если ливонцы не станут выполнять условий договора, то царю придется «за их крестное преступление искати своего дела самому». Царь специально позаботился о том, чтобы соглашение было подтверждено не только присягой послов, но и присягой ливонских властей.

При заключении договора ливонцы пошли на ряд важных уступок и в вопросах торговли: русские купцы получили право приобретать в Ливонии все товары кроме «пансырей», был разрешен и свободный проезд в Россию мастеров разных специальностей.

Заключение договора дало в руки русских политиков сильное средство давления на Ливонию. Появилось и законное основание для войны, если бы русское правительство решилось такую войну вести. Однако это не означает, что уже в 1554 году было принято принципиальное решение о войне с Ливонией. Многое зависело от того, как ливонская сторона будет выполнять условия соглашения.

Политика ливонских властей в этом вопросе оказалась крайне непродуманной. Не принимая каких-либо серьезных мер на случай войны с Россией, они одновременно уклонялись от выполнения тех условий соглашения, которые считали для себя невыгодными. Ника-

ких перемен к лучшему в условиях торговли русских купцов в Ливонии не произошло. Ливонские власти стремились уклониться и от выплаты дани.

Когда в начале 1557 года в Москву в соответствии с договоренностью прибыло новое ливонское посольство, то выяснилось, что послы не только не привезли дани, но и добивались, чтобы русское правительство перестало требовать ее уплаты. Царь отказался принять послов «и отпустил их бездельно с Москвы». Становилось все более очевидным, что без военного давления на Орден, без его подчинения русскому влиянию добиться выполнения заключенных соглашений не удастся.

К этому времени у русских появились новые стимулы для активизации политики по отношению к Ливонии, так как к середине 50-х годов в ливонские дела стал активно вмешиваться главный западный сосед России — правитель Великого княжества Литовского Сигизмунд II Август.

Отношения с этим западным соседом со времени заключения перемирия в 1537 году были мирными, но отнюдь не дружественными. С конца XV века великие князья Московские, нисколько не скрывая своих целей, последовательно осуществляли политику «собирания» всех древнерусских земель в одном государстве под властью единственных законных правителей — сидевших в Москве потомков основателя Древнерусского государства святого Владимира. Преследуя эту цель, дед и отец Ивана IV, а затем и он сам не соглашались на установление «вечного мира» с Великим княжеством Литовским, заключая с этим государством лишь соглашения о перемирии на тот или иной срок. Этим московские правители подчеркивали, что не отказываются от своих прав на восточнославянские земли и лишь на время откладывают борьбу за их осуществление. Для Великого княжества Литовского, в границы которого входила вся территория современной Белоруссии и большая часть территории современной Украины, достижение этой цели означало бы конец его существования как большой восточноевропейской державы. Политика Москвы угрожала и Польскому королевству, соединенному личной унией с Великим княжеством Литовским (Сигизмунд II был правителем обоих этих государств), так как часть древнерусских земель (западная часть современной Украины) входила в состав Польши. Польшу, однако, такая опасность могла ожидать лишь в будущем, так как она не имела общей границы с Русским государством. Не удивительно, что отношения между Москвой и Литвой, несмотря на долго сохранявшийся мир, продолжали оставаться напряженными. Из всех правителей соседних стран Сигизмунд II был единственным, кто упорно отказывался признать новый царский титул Ивана IV.

Поэтому активизация русской политики в Ливонии должна была привлечь внимание литовских политиков к этой стране. Однако для

вмешательства в ливонские дела у них имелись и другие важные причины. Подобно Русскому государству, и Великое княжество Литовское несло ущерб от принудительного посредничества ливонских купцов, причем ущерб в данном случае был, вероятно, даже большим, так как Великое княжество Литовское было вовлечено в систему европейских экономических связей гораздо сильнее, чем Русское государство. Попытки литовских политиков добиться изменения положения с помощью дипломатии также оставались безрезультатными. Отсюда их попытки подчинить Ливонию своему политическому влиянию, вмешиваясь в ее внутренние дела. Для такого вмешательства у Сигизмунда II было гораздо больше возможностей, чем у Ивана IV.

Больше всего литовских политиков привлекала возможность установления своего контроля над Ригой — портом, через который шел основной поток товаров из Великого княжества Литовского в страны Западной Европы. К середине 50-х годов литовским политикам удалось добиться тайного соглашения с рижским архиепископом Вильгельмом об избрании его будущим преемником-коадьютором сына одного из немецких князей, Кристофа Мекленбургского, связанного с польским двором. Став позднее рижским архиепископом, тот должен был добиваться превращения архиепископства в особое княжество под патронатом Великого княжества Литовского. После того как архиепископ действительно сделал Кристофа Мекленбургского своим преемником, вмешались власти Ордена. Войска великого магистра напали на резиденцию архиепископа и захватили в плен и Вильгельма, и его коадьютора. Тогда Сигизмунд II прибегнул к силе, собрал войско и двинул его на границу с Орденом. Власти Ордена попытались провести мобилизацию своих военных вассалов, но лишь незначительная их часть откликнулась на это обращение. Орден фактически мог опираться лишь на отряды наемников из Германии, которые не смогли бы дать отпора литовской армии. В итоге 13 сентября 1556 года великий магистр Вильгельм Фюрстенберг должен был публично принести извинения Сигизмунду II и подписать договор, удовлетворявший основные требования властей Великого княжества Литовского. Архиепископ и его коадьютор были освобождены, архиепископу возвратили власть над архиепископством, а купцам Великого княжества была предоставлена свобода торговли на территории Ливонии. Кроме того, Орден заключил с Великим княжеством Литовским союз против России и принял на себя обязательства не пропускать на русскую территорию товары и специалистов, которые могли бы способствовать усилению Русского государства.

С заключением этого договора у русских политиков появилось новое веское основание для войны с Ливонским орденом: все русско-ливонские договоры XVI века содержали обязательство Ордена

не заключать союзов с Великим княжеством Литовским, направленных против России, а обязательство не пропускать в Россию товары и специалистов находилось в прямом противоречии с нормами русско-ливонского договора 1554 года. Однако главное значение происшедших событий заключалось не в этом. Они показали военное бесилие Ордена и реальность перспективы его подчинения влиянию Великого княжества Литовского. В этом случае пути, ведущие из России на Запад, оказались бы под контролем главного политического противника Русского государства.

Все это заставляло русские политические круги поторопиться с попыткой собственного решения ливонской проблемы.

Новым русско-ливонским переговорам предшествовали меры серьезного давления на Ливонию. Русским купцам было предписано, «чтоб ни кто в Немцы не ездил ни с каким товаром», а близ русской пограничной крепости Ивангород при впадении в Балтийское море реки Наровы, отделявшей русскую территорию от территории Ордена, начало строиться «корабленное пристанище», где русские купцы могли без посредников встречаться с купцами из стран Западной Европы. В 1557 году завершилось подчинение Казанского края, и «казанские люди ис Казани и из Свияги и из Чебоксары и черемиса» вошли в состав армии, которая была собрана на ливонской границе.

Новое ливонское посольство прибыло в декабре 1557 года с просьбой уменьшить размер дани, установленной договором. Когда, наконец, была достигнута договоренность о размерах суммы, которую следовало уплатить, выяснилось, что послы никаких денег не привезли и предлагают лишь обсудить вопрос о сроке, к которому они могли бы доставить деньги. В Москве пришли к заключению, что все это делалось, «чтобы государь ныне рать свою оставил... и вперед лгати». Переговоры были прерваны, и Иван IV приказал своим войскам напасть на владения Ордена. С этого нападения фактически и началась многолетняя Ливонская война.

Однако посылая войска на Ливонию, русское правительство еще не приняло решения о войне. Речь шла о мерах давления, которые должны были заставить Орден выполнить взятые на себя обязательства. Не случайно, возвращаясь из похода, командующий войсками касимовский хан Шах-Али призывал власти Ордена, «будет у вас есть хотения перед государем исправитца», прислать в Москву послов, обещая в этом случае вместе с боярами ходатайствовать за них. Когда магистр попросил «опасной грамоты» для послов, которые привезут царю дань, такой документ был выслан.

Однако установившееся перемирие просуществовало недолго. В нарушение его условий из нарвского замка стали стрелять по пограничной русской крепости Ивангород, и царь в ответ приказал по Нарве «стреляти изо всего наряду». Нарвские горожане отправили в

Москву делегацию, отмежевываясь от действий своего «князца» — наместника Ордена, но Адашев и Висковатый жестко потребовали передать русским воеводам «князца» и нарвский замок и принести присягу на верность царю; в этом случае, как заявили они делегатам, «вас государь пожалует... старины ваши и торг у вас не порушит». Нарвские горожане отказались принять эти условия, и 11 мая 1558 года русские войска взяли город штурмом. Затем по городу прошел крестный ход во главе с архимандритом Юрьева монастыря и протопопом Софийского собора. С этого момента Нарва стала главным русским портом на Балтике, и вскоре ее начали посещать купцы из многих стран Западной Европы.

Взятие Нарвы стало началом перелома в ливонской политике Русского государства. С конца мая 1558 года русские войска принялись занимать одну за другой пограничные крепости Ордена, а в июне 1558 года в поход на Ливонию выступило большое русское войско во главе с боярином князем Петром Ивановичем Шуйским. Поход продолжался все лето и показал полное военное бессилие Ордена — русские войска заняли 20 «городов», среди них такой крупный центр и резиденцию епископа, как Дерпт. Воевод, прибывших к царю в Александрову слободу, Иван IV жаловал «шубами и кубки, и аргамаки... и во всем им свое великое жалование показал». Вся восточная часть современной Эстонии в результате похода оказалась под русской властью.

Вопрос о мирном соглашении с Орденом не снимался с повестки дня, но становилось ясно, что речь может идти о заключении только такого мира, условия которого будут продиктованы русской стороной. В ответ на просьбы о мире великому магистру было объявлено, что для этого он должен лично явиться к царю.

Условия такого мира Алексей Федорович Адашев изложил в марте 1559 года датским послам, пытавшимся выступать в роли посредников между Россией и Орденом. Речь шла фактически об установлении русского протектората над Ливонией (его условия предусматривали, в частности, ввод русских гарнизонов в ряд ливонских городов). По просьбе датских послов властям Ордена было предоставлено перемирие на шесть месяцев, от мая до ноября 1559 года. В течение этого срока магистру следовало прибыть к Ивану IV «да за свои вины добити челом на всем том, как их государь пожалует».

Именно с началом активного военного наступления на Орден Иван IV впоследствии связывал начало разногласий между ним и его ближайшими до того времени советниками. Если сам Иван IV был сторонником самых активных военных действий (по его словам, он несколько раз отправлял грамоты князю Петру Ивановичу Шуйскому, торопя его с выступлением в поход), то советники «на всяко время» внушали ему, «еже не ходити бранию». Однако такая версия царя

вызывает сильные сомнения. Как отмечалось выше, именно Адашев вел все дипломатические переговоры, приведшие к войне, и можно не сомневаться, что эта война была частью его военно-политического замысла. При взятии Нарвы и позднее в военных действиях в Ливонии наибольшей активностью отличался брат фаворита Данила Федорович, который именно за военные успехи в Ливонии получил из рук царя чин окольничего. На важнейший пост наместника Юрьева-Дерпта, в руках которого сосредоточивалась власть над ливонскими землями, царь назначил князя Дмитрия Ивановича Курлятева, о котором позднее с раздражением отзывался как об одном из ближайших «единомышленников» Сильвестра и Адашева. Наконец, и князь Андрей Михайлович Курбский (в то время один из воевод в армии князя Петра Шуйского) в своей «Истории о великом князе Московском» писал о победах русских войск над ливонцами как о справедливом возмездии, постигшем власти и подданных Ордена за отступление от веры и иконоборчество. Очевидно, на первом этапе война с Ливонским орденом встречала общее одобрение и царя, и русских правящих кругов.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что одновременно с началом войны против Ордена все более усиливались и наступательные действия русских войск против Крыма, начатые в 1555—1556 годах.

Уже в 1556 году Крымское ханство подверглось нападению с разных сторон. Знатный украинский феодал, князь Дмитрий Вишневецкий, который в это время перешел на русскую службу, взял штурмом город Ислам-Кермен, а захваченные пушки вывез и поставил на Хортице у днепровских порогов, где как раз в это время стали оседать казаки, закладывая будущую Запорожскую Сечь. Тогда же адыгские князья заняли Темрюк и Тамань. Хан весь год держал наготове, не распуская, войско и «у турского помочи просил, а чаял на себя приходу в Крым царя и великого князя». В следующем, 1557 году наступление на Крым фактически прекратилось, и хан воспользовался передышкой, чтобы выгнать Дмитрия Вишневецкого с Хортицы. После тяжелых боев, в которых участвовала вся Орда во главе с самим ханом, Вишневецкий был вынужден отойти на русскую территорию.

Однако с января 1558 года наступление на Крым с нескольких направлений возобновилось с еще большим размахом. Большие отряды детей боярских, стрельцов и казаков были посланы на реку Псел, чтобы строить здесь суда, а затем выйти на Днепр и оттуда предпринимать нападения на Крым. Тогда же русское правительство послало Дмитрия Вишневецкого в Кабарду, чтобы тот, собрав здесь войско, шел на Крым «ратью мимо Азов». Тогда же послы, прибывшие от крымского хана, были арестованы и сосланы, и дипломатические сношения с Крымом прервались на несколько лет.

В следующем, 1559 году военные действия стали еще более активными. В феврале 1559 года на Донец был послан князь Дмитрий Вишневецкий, чтобы, построив здесь суда, «приходить на крымские улусы... от Азова под Керчь». Тогда же на Днепр было послано войско во главе с Данилой Адашевым также «промышляти на крымские улусы». На Дон поехал думный дворянин и постельничий царя Игнатий Вешняков, который должен был «сходитца на Дону с князем Дмитрием Вишневецким». Вешняков получил задание поставить на Дону крепость — опорный пункт для будущих походов на Крым. Наконец, 11 марта был принят приговор о сборе войска против Крыма во главе с самим царем и виднейшими боярами. И на этот раз войско должно было не стоять на Оке, а идти на юг, в степь. Герой взятия Казани князь Михаил Иванович Воротынский поехал «на Поле место рассматривать, где государю царю и великому князю и полком стоять».

Благодаря успешным действиям военных отрядов Крымская орда оказалась запертой на Крымском полуострове и впервые за много лет сама стала объектом нападений. Как с энтузиазмом записал на страницах официальной летописи Алексей Адашев, «русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала...», а теперь «морем его царское воинство в малых челнех... якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кров христианскую поганым, здорово отыдоша». Войско во главе с Данилой Адашевым, разорив побережье Крыма и освободив «русский» и «литовский» полон, благополучно вернулось на русскую территорию, нанеся серьезные потери орде, пытавшейся задержать его на днепровских переправах. Вернувшиеся из похода в сентябре 1559 года Данила Адашев и Игнатий Вешняков были пожалованы царем за службу.

Таким образом, Русское государство предпринимало в конце 1550-х годов серьезные шаги для решения и крымской, и ливонской проблемы. Обычно такое положение объясняют борьбой в окружении царя сторонников двух разных ориентаций, из чего делается вывод об отсутствии единого продуманного курса в русской внешней политике тех лет. Дело, по-видимому, обстояло иначе. В конце 50-х годов была предпринята попытка осуществить сложный политический замысел, принадлежавший, судя по всему, самому Алексею Адашеву, целью которого было добиться одновременного решения в интересах России и крымской, и ливонской проблемы.

Война со слабым Орденом не пугала русских политиков. Иное дело — перерастание этой войны в большой международный конфликт с участием многих государств. Между тем после событий 1556 года в Москве должны были отдавать себе отчет в том, что русское вмешательство в ливонские дела может вызвать сопротивление со стороны Великого княжества Литовского и, следовательно, не могли не ду-

мать о мерах, с помощью которых можно было бы устранить такую угрозу. Отсюда — очевидное стремление принудить власти Ордена согласиться на установление русского протектората. Такое решение лишило бы власти Великого княжества Литовского оснований для вмешательства в ливонские дела. Этого, однако, было недостаточно. Следовало предложить Великому княжеству Литовскому соглашение, которое могло бы принести ему крупные выгоды. Таким соглашением мог стать союз двух государств для покорения последнего татарского ханства в Восточной Европе — Крыма. Так как Великое княжество Литовское не меньше России страдало от татарских набегов, можно было бы ожидать, что такое предложение его заинтересует и ради избавления от татарской угрозы литовские политики не станут реагировать на русские успехи в Ливонии. Представляется также, что русские политики конца 50-х годов, чьи взгляды формировались в обстановке постоянной «священной войны» против мусульманского мира, искренне были убеждены, что Сигизмунд II не сможет ответить отказом на предложение о союзе против «поганных». Против осуществления такого замысла царь не мог иметь никаких возражений: он должен был стать верховным сюзереном Ливонского ордена и добавить к своим лаврам покорителя Казани и Астрахани лавры покорителя Крыма.

Совсем не случайно к переговорам о союзе против Крыма русское правительство серьезно приступило именно зимой 1557/58 года, когда русские войска предприняли набег на Ливонию. Посланный в Вильно в феврале 1558 года, после большого набег татар на Волынь, Роман Олферьев сообщил, что русским воеводам послан приказ идти за ордой и отбить захваченный полон и что царь хочет воевать с Крымом и оказывать помощь против татар «христианам», живущим в Великом княжестве. Приехавшим в марте 1559 года литовским послам Адашев заявил, что «для покою христианского и свободы христианам от рук бусурманских» царь готов заключить с Великим княжеством Литовским не только союз против Крыма, но и «вечный мир», соглашаясь оставить в руках Сигизмунда II «все свои старинные вотчины» — белорусские и украинские земли. Это беспрецедентное для практики русско-литовских отношений в XVI веке заявление ясно показывает, сколь значительные усилия предпринимались, чтобы склонить Великое княжество Литовское к союзу против Крыма.

План Адашева основывался на двух предпосылках: во-первых, что Великое княжество Литовское, заинтересованное в союзе против Крыма, не станет препятствовать усилению русского влияния в Ливонии и, во-вторых, что Орден, не имея никакой поддержки, будет вынужден согласиться на продиктованные в Москве условия мира. К концу 1559 года стала выясняться нереальность обеих этих предпосылок. Правда, во время переговоров неоднократно говорилось о желании Сигизмунда II «о всем добром и обороне христианской мыс-

лить». Король даже просил у Ивана IV «опасной грамоты» для «великих послов», которых он намеревался послать в Москву для заключения соответствующего соглашения. Но все это были лишь дипломатические маневры. В действительности лица, стоявшие у власти в Великом княжестве Литовском, вовсе не думали серьезно о союзе с Россией против Крыма. Напротив, ликвидация Крымского ханства, с их точки зрения, была весьма нежелательна, так как баланс сил в Восточной Европе, и так сильно изменившийся в пользу России после ликвидации Казанского и Астраханского ханств, стал бы для Великого княжества после исчезновения Крымского ханства еще более невыгодным. «И только крымского избыв, и вам не на ком пасти, пасти вам на нас», — сказал однажды один из литовских дипломатов своим русским собеседникам. Напротив, готовясь со своей стороны вмешаться в ливонские дела, рада Великого княжества Литовского старалась заключить союз с Крымом, направленный против России. В этом русское правительство могло убедиться осенью 1559 года, когда Данила Адашев доставил в Москву захваченные на днепровском перевозе литовские грамоты в Крым. В них говорилось, что король посылает в Крым «большого посла с добрым делом о дружбе и братстве» и обещает хану каждый год присылать высокие «поминки», чтобы тот «с недруга нашего с московского князя саблю свою завсе не сносил». Тем самым Данила Адашев невольно нанес удар своему брату, так как доставленные им грамоты ясно показывали нереальность расчетов царского министра иностранных дел.

Власти Ордена, таким образом, вовсе не находились в безвыходной ситуации: будучи не в состоянии дать отпор русским войскам и одновременно не желая подчиняться верховной власти Ивана IV, они приняли решение отдаться под защиту Сигизмунда II. Для этой цели и было использовано предоставленное им перемирие. 31 августа 1559 года в Вильно было заключено соглашение о переходе Ордена «под протекцию» великого князя Литовского. После этого власти Ордена стали чувствовать себя столь уверенно, что, наняв отряды наемников — «заморских немец», открыли в октябре 1559 года военные действия в Прибалтике, не дожидаясь окончания предоставленного им перемирия. Положение стало тем более сложным, что когда царь захотел послать войска на помощь своим, то «по грехом пришла груда великая и безпута» и войска не могли пройти в Прибалтику.

Как представляется, именно в этой сложной ситуации начались острые разногласия в русских правящих кругах. Их характер лишь отчасти можно установить по отрывочным свидетельствам наших источников. Позднее в Первом послании Курбскому царь с раздражением обвинил Сильвестра и Адашева в том, что во время войны в Ливонии они добивались от него «еже бы не ходити бранию». Очевидно, речь шла о прекращении дальнейшего вмешательства в Ливонию, что могло втянуть страну в войну с Великим княжеством Литовским.

Эти высказывания следует сопоставить со свидетельством Курбского о том, что после успехов, достигнутых Вишневецким и Даниилом Адашевым, он и другие советники снова и снова «царю стужали и советовали: или бы сам потщился итти или бы войско великое послал на Орду». Таким образом, именно в конце 1559 года был поставлен вопрос о выборе между двумя направлениями русской внешней политики, и часть советников во главе с Адашевым и Сильвестром выступила за прекращение войны с Ливонией и продолжение наступления на Крым.

Царь, как видно из Первого послания Курбскому, пришел к иному выводу. Обсуждение вопроса о будущей ориентации русской внешней политики имело место в Можайске, где находился царь в октябре-ноябре 1559 года. Оно осложнилось вмешательством Сильвестра. Привыкнув к определенному стилю обращения с воспитанником, он и на этот раз, по-видимому, угрожал царю Божьим гневом («аще ли не так, то душе пагуба и царству разорение»), если тот не будет следовать советам его и Адашева. Свидетельством того, что Бог недоволен действиями царя, Сильвестр считал случившуюся в это время болезнь царицы Анастасии. Царь был серьезно озабочен болезнью жены. Генрих Штаден, немец на царской службе, записал рассказ некоей вдовы Екатерины Шиллинг, которую привезли в Москву из только что завоеванного Дерпта, чтобы лечить царицу. Иван IV обещал пожаловать ей половину доходов с Юрьевского уезда, если она вылечит Анастасию. Не удивительно, что внушения Сильвестра на этот раз не только не оказали желательного действия, но и вызвали раздражение царя.

У Ивана Васильевича сложилось свое понимание происходящего, которое он позднее изложил на страницах Первого послания Курбскому. Подчиняясь внушениям советников, он не вел войну достаточно решительно и «лукавого ради напоминания дацкого короля» дал возможность ливонцам целое лето собирать свои силы. «И аще бы не ваша злобесная претыкания, — писал он Курбскому, обращаясь в его лице и к другим сподвижникам Сильвестра и Адашева, — и з Божиею помощью уже бы вся Германия (то есть Ливония. — Б.Ф.) была за православием». Выход из сложившегося положения царь видел в усилении военных действий в Ливонии.

Можно спорить о том, какое решение было бы в данной ситуации более правильным, но очевидно, что заключение перемирия с Орде-ном было ошибкой, ответственность за которую несло то лицо, которое направляло в эти годы внешнюю политику правительства, то есть Алексей Адашев. Таким образом, у царя было серьезное основание для отстранения Адашева от государственных дел. Однако следует принять во внимание, что Адашев и ранее допускал серьезные ошибки. Так, он не сумел в начале 50-х годов XVI века добиться мирного присоединения Казанского ханства, но это не помешало в дальней-

шем его успешной карьере и не ослабило доверия, которое к нему питал царь. К этому надо добавить, что немилость царя совсем не коснулась человека, который во второй половине 50-х годов был неразлучным спутником Адашева на всех ответственных дипломатических переговорах — дьяка Ивана Михайловича Висковатого, главы Посольского приказа. Все это позволяет думать, что Адашев был отстранен от государственных дел не столько за ошибки, допущенные им при решении вопросов внешней политики, сколько потому, что царь уже в то время пришел к выводу, что та внутренняя политика, которую он проводил, следуя советам Адашева и Сильвестра, не отвечает его интересам.

Судя по высказываниям царя, его окончательный разрыв с советниками произошел на дороге из Можайска в Москву, куда царь, получив тревожные известия из Ливонии, срочно выехал в конце ноября 1559 года с больной женой в ужасную осеннюю распутицу, когда, по выражению официальной летописи, ехать «невозможно было ни верхом, ни в санях». По-видимому, во время столь тяжелого путешествия Сильвестр продолжал наставлять царя в привычной для себя манере и вызвал этим его гнев. Высказывания Ивана IV очень скупы, и мы, вероятно, так и не узнаем, в чем заключалось то «малое слово непотребно», которое стало поводом для окончательного разрыва.

Расставшись с царем, Сильвестр покинул Москву и принял пострижение в Кирилловом монастыре под именем Спиридона. Что касается Алексея Адашева, то в декабре 1559 — январе 1560 года, после приезда царя из Можайска в Москву, он еще принимал сначала литовского гонца, а потом литовского посланника. В мае 1560 года, когда в Ливонию было послано большое войско во главе с князем Иваном Федоровичем Мстиславским, Алексей Адашев вместе с этой армией покинул Москву. В армии ему был доверен достаточно высокий пост третьего воеводы «большого» (главного) полка, соответствовавший его сану. Но если учесть, что в предшествующие годы Адашев постоянно находился при особе царя и не получал военных назначений, эта посылка в Ливонию была первым знаком царской немилости. Скоро последовали и другие. 30 августа 1560 года в Москву пришли донесения от воевод о взятии одной из лучших крепостей в Ливонии — Феллина (современный Вильянди), и царь приказал оставить воеводой в этом городе Алексея Адашева. Тем самым стало очевидно, что царь твердо намерен отстранить своего бывшего друга от управления государством.

Тогда же царь предпринял и другой шаг. По его приказу в сентябре-октябре 1560 года вотчины Алексея Адашева в Костромском и Переяславском уездах были отобраны в казну, а вместо них ему были выделены земли в Бежецкой пятине Новгородской земли. Значение этого шага станет понятно, если учесть особенности структуры дворянского сословия в середине XVI века. Лишь представители дворян-

ства земель Северо-Восточной Руси, входившие в состав «государева двора», могли принимать участие в управлении государством и занимать высокие должности общегосударственного значения. В отличие от них новгородские помещики могли рассчитывать на военно-административные должности лишь на территории Новгородской земли. Превратив Адашева в новгородского землевладельца, царь заранее ограничивал рамки его будущей деятельности границами русского Северо-Запада и сопредельных ливонских земель.

На этом неприятности Алексея Федоровича не кончились. По распоряжению царя вторым воеводой в Феллине был назначен костромский сын боярский Осип Полев. В списке костромских «детей боярских» «Дворовой тетради» он был записан выше, чем Данила Федорович Адашев, следовательно, его семья считалась на Костроме более знатной, чем семья предков Адашевых, Ольговых. В иное время Полев не посмел бы спорить с Адашевым, но теперь, видя явную немилость царя к бывшему фавориту, он заявил, что ему «меньши Олексея Адашева быть невместно». В результате царь назначил Осипа Полева воеводой в Феллине, а Адашеву «велел быть в Юрьеве Ливонском», не давая ему никакой должности. В «Пискаревском летописце», неизвестный составитель которого записал в начале XVII века рассказы старших современников о временах правления Ивана IV, сохранились припоминания, что Алексей Федорович «бил челом многожды» наместнику Юрьева князю Дмитрию Ивановичу Хилкову, чтобы тот дал ему какую-нибудь должность, но тот «не велел быти», очевидно, потому, что не имел на этот счет никакого приказа от царя. Во всем этом, как представляется, явно проявилось желание царя отстранить своего бывшего ближайшего друга и советника от всякого участия в государственной деятельности.

Начало 1560 года стало важной вехой в биографии Ивана IV. Он, наконец, избавился от опеки советников, наставлениям которых до сих пор (хотя со временем все менее охотно) следовал. Царь был недоволен ими, так как, следуя их рекомендациям, он не добился укрепления своей власти. Теперь, устранив их, он получил возможность осуществить меры, которые, по его убеждению, позволили бы ему сосредоточить в своих руках всю полноту власти в государстве.